

РОССИЙСКИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ЮРИДИЧЕСКИЙ РЕБРЕНДИНГ ИЛИ «GAME OVER»?

Отечественный конституционализм характеризует сочетание «юридических и нравственно-этических, национально-этнических, религиозных, социокультурных начал», равно присущих всем его институционально-структурным компонентам¹. Продуктивные научные исследования такого явления неизбежно приобретают межотраслевой и междисциплинарный характер на основе единой конституционной методологии. Вместе с тем, в эпоху труднопредсказуемых глобальных трансформаций, систему конституционализма и все «начала классических институтов конституционной демократии» охватили глубокие кризисные явления. Что поставило перед наукой права и вопрос о том, «можно ли примирить, соединить модернизм и консерватизм в историческом процессе конституционного развития» России². Тем более что уже в конце XX столетия начали говорить о кризисе самой юридической науки, сопряженном с проблемами ее научной идентификации и – главное – самоидентификации. Выразительные проявления этого («бинарного») кризиса характеризуют и проблематику международного права.

На наш взгляд, научно-юридическое отношение к международному праву сегодня недопустимо отстраняется от оценок, утвердившихся в общественно-политическом (и даже обыденном) дискурсе. Согласимся, в начале XXI столетия еще можно было говорить о прогрессивном включении

---

¹ См.: Бондарь Н.С. Современный конституционализм: новые вызовы, решения и методология исследований / Национальный конституционализм в эпоху глобальных вызовов: от политических иллюзий – к правовому реализму. Библиотека судебного конституционализма. Выпуск 14 / Отв. ред. Н.С. Бондарь. Ростов-на-Дону, 2024. С. 16.

² См.: там же. С. 20–21.

компонентов международного права в правовую систему России¹, а чуть позже – о сущностной взаимосвязи тенденций ее интернационализации и конституционализации². Однако иллюзия обозначенной диспозиции «растаяла на глазах», и уровень догматической инерции уже критично превышает принципиальные требования научной объективности. Тем не менее, ученые-юристы продолжают утверждать, что международное право позитивно влияет на национальное (внутреннее) законодательство и формирует целостную правовую среду, способствующую укреплению демократических институтов, включая защиту прав человека³.

Последнее («обязательное») уточнение заслуживает отдельного упоминания. В новейших изданиях – безотносительно к фактам консолидированной дискриминации российских граждан со стороны стран Запада – находим, что именно взаимодействие национальных правовых систем с международными нормами «создает прочную основу для защиты прав человека на глобальном уровне»⁴. С такой же уверенностью обосновывается недооценка российским законодателем значения «общепризнанных» норм и принципов международного права⁵. Наконец – на фоне безотчетного принижения универсального характера конституционных положений – Конституционному Суду РФ рекомендуется «подтянуться» до уровня Европейского суда по правам человека⁶. И адресуется это высшему органу юридической власти, который, в том числе, выступает генератором конституционной идеологии и мировоззрения личности и общества и

---

¹ См.: Кабышев В.Т. С Конституцией по жизни: избранные научные труды. М.: Формула права, 2013. С. 136.

² См.: Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / Под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. М.: ИГП РАН, 2017. 224 с. С. 9–31 и др.

³ См., например: Гетьман-Павлова И.В., Постникова Е.В. Международное право: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. С. 16.

⁴ См.: Вылегжанин А.Н. Международное право: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. С. 194.

⁵ См., например: Косолапов М.Ф. Общепризнанные принципы и нормы международного права и Конституция Российской Федерации: некоторые вопросы теории. // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 6. С. 88.

⁶ См.: Голубев Н.А., Сизова А.С. К вопросу о реализации поправки в статью 79 Конституции РФ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 155.

обеспечивает наряду с правами и свободами человека, основы конституционного строя России¹.

Все перечисленные «нестроения» – суть производные того, что в отечественной юридической науке и литературе сам конституционализм представляется «как едва ли не имманентно присущее исключительно западной цивилизации явление, условием и обязательной предпосылкой которого должны быть ценности (в западном их понимании) индивидуализма, частной собственности, протестантизма»². Соответствующее убеждение проецируется и на образы будущего. Молодые авторы, повторяя откровения «юридически окрашенной» западной философии постмодерна, не сомневаются, что юридические издержки глобальной трансформации будут купированы благодаря технотронным ресурсам. Инновационные подходы обеспечат *ребрендинг* западной модели конституционализма и демократии, позволят обновить их имидж и подкрепить пошатнувшийся авторитет. К подобным изысканиям относится и теория геймификации «оцифрованной» реальности, где правовое регулирование общественных отношений будет актуально сопрягаться с действием игровых правил, вплоть до отношений конституционно-политических³. «Забавными» эти спекуляции остаются ровно тех пор, пока не поясняется, что речь идет, например, об «электоральных поощрениях» или реестрах «социальных рейтингов».

Эмпирической основой концепция геймификации служит цифровизация – процесс далеко не однозначный и не вполне комплементарный правовой традиции. Стремясь к адекватному осмыслению цифровой и виртуальной реальности и перспектив их социальной экспансии, юридический язык должен научиться оперировать принципиально чуждыми ему терминами. Одним из таких видится понятие *Game over* (англ.) – идиома, обозначающая проигрыш (или выигрыша) в компьютерных играх, а также

---

¹ См.: Национальный конституционализм... С. 33.

² См.: Национальный конституционализм... с. 22.

³ См., в частности: Константинов А.М. Геймификация права как ответ на современные вызовы его развития // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 3. С. 69–73.

опцию неограниченного количества повторных попыток прохождения/не прохождения игрового эпизода, либо возможности переиграть всё с самого начала.

Возвращаясь к кризису юридического концепта действительности (включая международное право) и учитывая конституционную «инородность» предполагаемого ребрендинга, можно, казалось бы, переопределить Game over как своего рода «повышение уровня», которое позволит перейти если не к эре, то относительно длительному этапу адекватной юридической коммуникации суверенных государств в области международных отношений. Для чего потребуются преодолеть кажущиеся незначительными (либо отсутствующими) – в особенности для тех, кто привык определять право как систему общеобязательных норм и правил, – различия между нормами и правилами. Они перестают быть таковыми, когда мы переходим на уровень философского осмысления проблемы, полагаемся на те или иные концептуально выверенные идеологемы. В частности, в уникальной авторской стилистике «меланхоличного откровения» глубину онтологической и функциональной несхожести низведенных до синонимии предпосылок и форм обеспечения социальной коммуникации намечает философ постмодерна Жан Бодрийяр.

В феноменологии Бодрийяра отсутствует столь важное для юристов различие права и закона как содержания и формы. Точнее, в его термине «Закон» воплощается вся полнота правовой нормативности. Правило противостоит строю Закона как феномен игровой парадигмы восприятия реальности, отсылая к другой (параллельной) «вселенной». Основные черты альтернативного строя этой вселенной – обратимость и неопределенность: «Игры всегда, в любой момент истории разыгрываются сразу целиком, с выкладыванием всех карт и всех козырей»¹. Именно Правилom «легитимного вызова» руководствуется – очевидно не читавший Бодрийяра Дональд Трамп – в своем целеполагании сделать Америку снова великой, интуитивно (по-

---

¹ См.: Бодрийяр Ж. Соблазн. М.: Изд-во Ad Marginem, 2000. 319 с. С. 54, 58.

видимому) целиком полагаясь на стратегию «непрерывного повышения ставок» в дуально-дуэльном противостоянии Другому». Проблема, однако, в том, что, выходя за рамки индивидуального и коллективного, такой исход «эстетики» Игры (и соблазна) приобретает облик глобальной катастрофы третьей мировой войны.

Изначально господствуя на своей территории, Правило способно и экстенсивно осваивать пространство, теряющее первородство в контексте «долгого и медленного истощения Закона» Признаком тому *в мире социального* выступает индетерминация права, как утрата им каких-либо специфических (институциональных или эссенциальных) качеств социального регулятора. (Пресловутая апология дозволения и общедозволительного метода правового регулирования.) И именно в международной сфере, где идет «сокращение» обеспечивающих реальность правового принуждения суверенных государств, неуклонно нарастает «истощение и ослабление» той нормативно-правовой *маркировки*, которая на Западе исторически сопровождала все «схемы вертикальности, роста, происхождения, производства и т.п.»¹.

Поскольку же сегодня правовая маркировка уже ничем не заменяется, общественные системы (и их глобальная экспозиция) оказываются перед «угрозой вторжения Правила» – как «немаркированного» и «нейтрального» по отношению к Закону (и праву) термина, выразителя «насилия устрашения». Правило «ликвидирует» присущую праву/Закону условность, заменяя юридическую реальность – пусть иллюзорное, но живое и перспективное (прескриптивное) пространство – игровой гиперреальностью, симуляцией, наиболее откровенно торжествующей в мире цифровых технологий².

Здесь важно оговориться: Бодрийяр – отнюдь не адепт и не защитник Закона, *обслуживающего* строй видимого: производства и учета,

---

¹ См.: там же. С. 62.

² См.: Бодрийяр Ж. Указ. соч. С. 69–70.

распределения, эффективности, силовых отношений и других «вычисляемых феноменов: вещей, машин, <...> валового национального продукта». Феномен Закона оказывается в фокусе его уничижительной критики вкупе с капитализмом, демократией, «юрисдикцией частной собственности» и «даже» правами человека, совокупно отображающими «полноту и нищету» цивилизации Запада¹. Философ диагностирует «ощутимую и неминуемую катастрофу» власти и экономики, равно одержимых стратегией экспансии и инвестиции, исчезновение «горизонта производства», критичное истощение «резервов реального» и всегда искаженной истины о нем².

Приведенные высказывания могут удивить ученых-юристов отчетливым сходством выделенных характеристик стратегий двух антагонистических моделей отношений с также отчасти дуально-дуэльной дискуссией («отношением») приверженцев классической и постклассической познавательных парадигм по проблеме сущности права³. Отвергая и порицая «заблуждения» о «якобы» присущей праву природе, приверженцы и неофиты постклассики отказываются от любых объективных критериев, но лишь до того общественного состояния, в проявлениях которого они все-таки видят «свободное, нравственное, демократическое» начало. Тем самым находят свое подтверждение и априорное конституционному правопониманию предположение (интуицию), что постклассические аллюзии опаснее для идеи права, чем этатизм и позитивизм. Причем опаснее в двух, казалось бы, антагонистических версиях: неидеологического отождествления права и Закона либо нормативно-формального целеполагания должного. Поскольку в обоих случаях «Закону противостоит не беззаконие, но Правило».

Таким образом, осмысленные в дискурсе Бодрийера понятия Игры и Правил имеют мало общего с прагматической концепцией порядка «основанного на правилах», преследующей цель «подменить универсальные, согласованные международно-правовые институты и нормы

---

¹ См.: там же. С. 80–81, 85–86.

² См.: там же. С. 98–101, 114–115.

³ См.: Крусс В.И. Конституционное правопонимание vs «юридической эпистемологии»: Бьярн Мелкевик и «другие» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 19–35

альтернативными, неконсенсусными методами»¹. Следовательно, и оба обозначенные в названии публикации варианта конституционного самоопределения России *равно непригодны*. Суверенная конкретизация и актуализация национальных интересов и ценностей в их соотношении с вызовами международного взаимодействия и коммуникаций могут и должны быть вписаны во всеобъемлющую стратегию конституционализации российского правопорядка. В котором – без отсылок к неконституционному прошлому и без преклонения перед спекулятивными образами «будущего» – найдется место и для конституционно отформатированных норм и принципов международного права.

---

¹ См.: Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации: монография. Москва: Проспект, 2020. 448 с. С. 334.